

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ: КОРОМЫСЛО {кър=н=Ø=м=И=сл_о}

© 2004 А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

Состояние этимологизации данного слова академик О.Н. Трубачев охарактеризовал следующим образом: "Всесторонне обосновав реконструкцию праформы **kъrmyslъ/čъrmyslъ*, мы однако, ещё не решили вопроса о ее происхождении. Этот главный вопрос этимологии каждого слова в данном случае до конца сохраняет некоторую проблематичность..." [10,40].

По нашему убеждению, слово *коромысло* верно этимологизировал ещё А. Брюкнер: [1, 257]: "... известно только в восточных говорах Польши, из укр. *коромысла* 'то, чем носят бадейки'; продуктивным суффиксом *-slo* образован от русск. *корма*, ц.-слав. *крѣма* 'зад судна, руль, правило'; *кърмити* 'рулить, править'; укр. *кормига* 'ярмо' (второе о неисконно)" [перевод мой – А.К.].

У М. Фасмера – о слове *коромысло* мы не находим практически ничего позитивного ("Тёмное слово"), кроме немотивированного объявления этимологии А. Брюкнера "невероятной" [6, 334] и правомерного отклонения прочих этимологий. Можно предположить, что, отклоняя этимологию А. Брюкнера, М. Фасмер имел в виду невозможность полногласного образования от слова *корма* < *крѣма*. В таком случае М.Фасмер не учёл возможности второго полногласия, свойственного восточнославянским диалектам. Второй причиной мог быть гласный [Ы] на месте ожидаемого [И], что при украинском посредстве скорее закономерно, чем странно. Третьей – семантическая затемнённость связи *коромысла* с *кормой*. А. Брюкнер не дал пояснений по указанным вопросам, а М.Фасмер не смог или не пожелал найти на них ответ. В результате перспективная и верная по существу этимология оказалась отвергнута авторитетным учёным, что стимулировало поиски в других направлениях.

Именно такие поиски отражает этимология Вал. Вас. Иванова: из **коломысл_ь/о*, суффикс =*сл_о* от *коломыть* "шататься" [8, 213]. Откуда взят этот глагол – тайна. В СРНГ его нет. При таком объяснении *коломысло* – сложение: {*кол_о* *мы=Ø=сл_о*}. Из *коло* "вокруг" и *мыть*. *Коломыка* "бродяга" – совсем другое: тут корень

мык= (*мыкать/ся*). *Коломыка* – тот, кто *мыкается* вокруг. {*Кол_о+мык=сл_о*} дало бы *коломысло* по закону восходящей звучности: ср. *число* < {*чит=сл_о*}. Исходное значение "колебаться" идеально подошло бы для *коромысла*. Тем более что семантика неравновесности, неустойчивости всячески разрабатывается в его производных значениях.

Сомневаться в "коломычной" этимологии заставляют следующие соображения. Намёков на **коломысло* нигде нет, а условия для замены [л > р] не очевидны. Глагол *коломыть* "шататься" нигде не зафиксирован. Зафиксированность этого глагола тоже дала бы немного: нужен корень *мык=*, а не *мы=*, а корень *мык=* (в результате процесса {*к=т' > ч*}) дал бы не **коломыть*, а **коломычь*, как *пекучь* – *печь*, *толкучь* – *толочь*.

Открытие западнославянского (кашубско-словинского) слова *čarměslě* < **čъrmysly* [2, 149] дало новый импульс к этимологизации слова *коромысло* лингвистами в разных странах [4: 7].

ЭССЯ уже содержит почти всё необходимое для завершения этимологизации слова: {*кърm=ysl_ь* < **кърm_a*} < **(s)ker-* 'резать' с поправкой: {*кърm=I=sl_ь/о*} "то, чем кормят воду".

При этом недостаточно учитывается тот факт, что слово *коромысло* фиксируется в восточнославянских языках лишь с 15-16-ого века. Для объяснения этого факта нам явно не хватает знаний по истории самой "вещи" – 'деревянной дуги для ношения вёдер'. К сожалению, даже такой яркий представитель школы "слов и вещей", как О.Н.Трубачёв, оставил этот аспект без рассмотрения.

Есть серьёзные основания вернуться к этимологии А. Брюкнера, которая, будучи принята О.Н.Трубачевым в корневой части, подверглась критике последнего в части суффиксальной.

Географическое распределение вариантов *кърмыслъ-кърмысло*, о котором писал О.Н. Трубачев, вовсе не обязательно интерпретировать в терминах "предшествующее – последующее". В одних говорах на одних территориях мог возобладать один, а в других диалектах и на других

территориях – другой из двух хронологически равноправных вариантов. Думается, в таком предположении меньше произвола, чем в постулировании уникальной суффиксальной группы *-us-l* [10, 40].

Поскольку остроумное предположение О.Н. Трубачева, будто "погружение в воду кормового весла... понятийно соприкасалось с магией кормления, задабривания опасной водяной стихии" [9, 221-222] исследователем не мотивировано, можно допустить и менее магическое объяснение. Кормовое весло погружали в воду и водили им в воде не только, чтобы "задобрить водяную стихию", но и для того, чтобы управлять движением судна. Вряд ли нужно доказывать, что при движении любой предмет, опущенный в воду оставляет след, как бы *разрезая* её. Разрезание воды *кормой* = *кормилом* – вот что наверняка видели люди. Поэтому, возможно, первоначальное значение слова *корма* – не 'корм, скормливаемое', как полагал О.Н. Трубачев, а 'режущее, разрезающее (воду)'. По мнению И.П. Петлевой, "... **кърта* собственно '(отрезанная) жердь, палка', затем 'весло, рулевое весло' → 'руль'. См. у Даля описание рулевого весла: ... правильное весло из бревна в 10-12 саж., навешиваемое с кормы. Что касается значения 'корма', то оно должно было появиться позднее как наименование места, где устанавливалось рулевое весло" [11, 29]. В таком случае, *кормить* – означало не "заклинать (бревном) опасных духов воды", а 'действовать кормой (рулевым веслом)'; соответственно - *кърмил* и **кърмисло* – 'то, чем кормят'. Понятно, что потребность в этих двух словах возникла лишь после метонимического перенесения значения слова *кърма* на заднюю часть судна.

Это сходство дополнялось и движением *кормила-кор(о)мысла* по вертикали, подобным движению ножа при резании. Это обстоятельство является едва ли не важнейшим в последующем семантическом развитии слова.

Рассмотрим семантику слова *коромысло* и его производных.

2. "Колодезный журавль" [толкование не точное - на самом деле - только подвижная, неравновесная часть этого сооружения - А.К.]. 3. Палка, которой толкут бельё в ступе при стирке [NB! она опускается и частично исчезает – зрительно укорачиваясь - в ступе – А.К.]. 4. Жердь для скрепления снопов на возу и прочие разнообразные палки с петлями/крюками на двух концах, рычаг у весов, стрекоза [неравновесные конструкции – А.К.], созвездие Большая Медведица, Близнецов (Кастор и Поллукс), Орион; Млечный путь; коростель,

дергач; игра в "ножички", "кормовая верёвка", радуга. Само разнообразие значений указывает на исконность (эндемичность) слова для восточнославянского ареала.

Весьма красноречива и мягкость [м'] в сочетании с [и] в *коромисел* и *коромисли* "коромысло" [5, 362]: гласный [И] может быть суффиксом производящего глагола *кормить* {кърм=И=ть}.

По-своему показательна и вариантность места ударения: *КоромЫсло* - *корОмысло*, *коромЫсел* - *корОмысел*. Это может быть связано с народно-этимологическим переосмыслением. Ср. *КоломЕситъ* - *колomesИть*, *КоломЕнь-колОмень* "округа или теснота, давка". Если перед нами слово с одним корнем: **kol=m=es=* **kol=m=en=*, ударение будет на втором [о] полногласного варианта. Но если это сложение с *коло-* (что понятнее, ибо прозрачнее), то ударение переносится на мнимый второй корень =*мес*, =*мен* (ср. *мну-мать*).

Таким образом, древнейший руль представлял собой рычаг, состоящий из бревна, положенного на поперечину и находящегося в неустойчивом равновесии. Именно этот образ колеблющейся неравновесной конструкции как своего рода эталон неустойчивости и лёг в основу всех производных значений слова *коромысло* – от рычага весов до стрекозы. Поскольку этот образ довольно рано был отвлечен от рулевого бревна, а затем и сам руль судна претерпел значительные изменения, не удивительно, что связь между резанием воды и балансирующей конструкцией затемнилась. (Впрочем, у плотогонов древняя форма *кормила* - бревно на перекладине - дожила до нашего времени).

Полезную информацию даёт пара *кормило* "кормовое весло; буквально - то, чем кормят" и *коромыло* "стрекоза" [5, 363] - явно вторичное значение, производное от названия качающегося, балансирующего, находящегося в неустойчивом равновесии предмета. Тут важно ещё и закономерное отражение суффикса =*dl_o* на месте ожидаемого =*sl_o*. По существу, таким же неустойчиво балансирующим предметом является и *кормило*. Пара *коромышник* < *кормышник* указывает на диалектное второе полногласие. Если допустить его и в слове *коромыло* = {кър=м=И=дл_o}, становится очевидной его полная эквивалентность слову *кормило*. На первичную мягкость [м'] (и, соответственно, позднейшее отверждение) указывают также слова *коромисел* и *коромисли*. Так же, как и *кормило*, *коромыло*, перекинутое через плечо, является эталоном неустойчивого равновесия (при

ношении) и погружается в воду (при зачерпывании воды из реки или колодца). Таким образом, получаем {кър=м_ъ > кърм=и=ть > кърм=и=дл_о / кърм=и=сл_о}. Оба суффикса обладают значительной древностью (до деления имени на существительное и прилагательное), что естественным образом объясняет колебания в роде. (Ср. слова сходной хронологической древности: кърмь-кърма-кърмо 'то же самое', раб-раба, лис-лиса, супруг-супруга, и т.д.). Видимо, не случайно в науке давно уже ставится вопрос и о генетическом тождестве суффиксов =дл_о и =сл_о.

Слова {кър=м=и=сл_о} и {кър=м=и=дл_о} являются параллельными (и по существу – синонимичными) производными от глагола *кормити* 'управлять (судном)'. Просматривается и дополнительная распределённость этих форм: книжная, церковно-славянская *кърмило-кърмило* и народная, восточнославянская, диалектная (со "вторым полногласием") и отверждением [м] форма *коромысло*. Твёрдость согласного [м] указывает на то, что во многие русские диалекты эта форма попала через белорусско-украинское посредство. Диалектными особенностями может быть объяснено [у] на месте ожидаемого [и] также и в кашубском *čarmślë < *čьrmysly* [2, 149].

Так снимается последнее возражение О.Н. Трубачёва против реконструкции суффикса =сл_о: "К тому же, нельзя назвать сколько-нибудь убедительно глагол, от которого могло бы быть образовано от слова *коромысл / коромысло*, праслав. **kьrmyslъ*, поэтому приходится отвергнуть мысль о наличии здесь суффикса -сло, который предполагает отглагольность" [10, 40]. Такой глагол назвать можно – это глагол **kьrmiti* 'управлять судном' [9, 225]. Ср. аналогичное близкое по семантике образование: **vez=Ø=ti* 'везти' > **{vez=Ø=sl_о}* 'весло', как {кър=м=и=ти_# > кър=м=и=сл_о}. (Кроме того с участием суффикса =сл_о образованы русские слова: *гусли, кресло, масло, мысль, перевясло, порось, прясло, ремесло, лукомесло, русло, саясло, смысл, чересло, число, пресла, ясли*. Простой взгляд на этот список даёт основания сомневаться в обязательности мужского рода при суффиксе -сл_о.

В свете изложенного излишне категоричным представляется и другое высказывание О.Н. Трубачёва: "Лишь готовое значение 'корм, пища' позволительно в таком случае уже прямо возводить к известному глагольному корню и значению **(s)ker-* 'резать' [9, 222]". Поскольку рулевое бревно (**kьrmъ/a/o*) очевидным образом режет воду при движении судна, в слове **kьrmъ/a/o* можно

видеть архаичное отглагольное имя с суффиксом **=mo* от глагола **čersti, čirsti* 'резать; чертить; рубить'. Ср. лит. *kirsti* 'рубить, жать' [3, 77-88]. Это слово К. Лиукконен реконструирует как **kьp=m* или **kьt=m*: "На наш взгляд, **kьmъ / *kьma / *kьmo* представляет собой производное на -m- от презентной основы **kьp-* (> **kьp-* > **čьp-*) или **kьt-* (> **kьt-* > **čьt-*)" [3, 82] – на основании литовских глаголов *kirpti* 'резать' и *kirsti, kerta, kirto* 'рубить, жать'.

При ориентации на семантику литовских слов семантическое построение К. Лиукконена убедительно, но при обращении к семантике славянских слов более обоснованным представляется обращение к основе **kь=n=m-*: "Прилаг. **kьrнь* восходит к и.-е. **kь-no-* **kьr-но-*, прилаг.-прич. прош. страд. от глагола с корнем **(s)ker-* 'резать' <...>. Слав. **kьrнь* довольно хорошо отражает древнее широкое значение 'обрезанный, поломанный, изуродованный', в сравнении с чем родственные лтш. ... обнаруживают в основном уже специализированную, вторичную семантику" [9, 236]. Особого внимания заслуживает глагол **kьrmQti*, рефлекс которого даёт необычный спектр значений: 'ударить, уколоть, воткнуть, вонзить', 'прилечь ненадолго днём и уснуть: прикорнуть', 'окунуть', 'погрузиться в воду, окунуться; нырнуть', 'повиснуть вниз (о плодах еще не сжатых злаковых, особенно овса и ячменя, когда они перестоят на корню или когда их хватит морозом)', 'перепутаться (о хлебах на корню)', 'пропасть, утратиться'. [9, 235]. При этом говорится, что "скорее всего, справедливо мнение, что перед -пQti выпал какой-то согласный" [там же]. Скорее всего этим согласным является -н-, хотя он и не называется К. Лиукконеном среди возможных этимонов слова *корма*. Все перечисленные варианты объединены значением исчезновения из вида в результате перемещения вниз или в иную среду, иное вещество. Удар бревна по воде приводит к тому, что оно не только режет воду, но и погружается в неё, исчезает в ней. Режущее также исчезает в том, что оно режет, *прикорнуть* – *погрузиться в сон* (как в воду), при этом человек (как живой и действующий исчезает), остается лишь его тело (оно же остается и после смерти; параллель 'сон=смерть' едва ли не хрестоматийна); погрузиться в воду – означает 'исчезнуть из глаз'; повиснуть вниз (о злаках) также означает 'перестать быть видимым'. Таким образом, погружение чего-либо в иную среду приводит к его видимому (зрительному) урезанию, укорачиванию – вплоть до полного

исчезновения. Глаголы $*k\gamma = n = a = ii$ (корнать 'обрезать, обрубать') и $*k\gamma = n = i = ii$ 'рубить, сечь ветки дерева, обрезать', $*k\gamma = n = nQ = ii$ позволяют реконструировать и глагол с нулевым суффиксом: $**k\gamma = n = \emptyset = ii$ ($*k\gamma nti$ - $*k\gamma = n = \emptyset Q$). Более того - форма (при)корну, возможно, и является частью парадигмы глагола $*(при)корнти$. Современный же инфинитив на $=нуть$ мог быть получен в результате переосмысления (переразложения) основы инфинитива и выравнивания глагольной парадигмы (ср. аналогичное явление в глаголе $вынуть < *v\dot{n}l-(n)\dot{y}m = \emptyset = ii$).

Именно от глагола $**k\gamma = n = \emptyset = ii$ 'исчезать при опускании, погружении' и могло образоваться отглагольное имя $*k\gamma = n = \emptyset = m_y/a/o$ 'рулевое весло'. В фонетическом отношении такое предположение безукоризненно: "п перед м отпадает автоматически" [3, 189-190], а слоговой [r] реализуется в виде [ър] > [ор].

Различие значений 'руль' и 'еда' нейтрализуется в значении 'исчезающее при опускании (в воду - руль или в рот - еда)'. Именно в этом смысле можно принять идею О.Н. Трубачева о "понятийном соприкосновении" "погружения в воду кормового весла" с кормлением: правильное бревно зрительно поглощается пучиной так же, как еда поглощается ртом.

Поэтому правы те, кто говорит о глубоком этимологическом тождестве $k\gamma rma$ и $k\gamma rmi$.

Сложность интерпретации $k\gamma rami$, помимо диалектных фонетических преобразований, объясняется тем, что в первоначальном значении - рулевого бревна оно было вытеснено старославянизмом $k\gamma rmi$, а удержалось в народном языке только во вторичном значении - 'дуга для ношения вёдер'. И едва ли не единственным прямым напоминанием о связи $k\gamma rami$ с кормой является значение 'кормовая верёвка', на которое и ссылался О.Н. Трубачев [10, 41]. Бытовой характер слова препятствовал его ранней фиксации в памятниках - по преимуществу религиозных или официально-деловых, и только сведения о славянских топонимах 12-15 вв. на территории современной Германии [7] подтверждают предположение о знакомстве славян с $k\gamma rami$ и до 15-ого века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
2. Sychta, B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. I: A-G, Wrocław - Warszawa - Kraków, 1967, S. 149.
3. Липконен, Кари. Восточнославянские отглагольные существительные на -М-. Том I. Хельсинки, 1987 (Slavica Helsingiensia, 5).
4. Popowska-Taborska H. Kaszubskie *čerep, čerměslě* polską wersją *czerepa i koromyseł*. // Slavica Orientalis, 1968, roczn. 18, S. 369-370.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 14 (*Кобзарях-Корточки*). Л.: Наука, 1978.
6. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева, т. 2 (Е - МУЖ). М.: Прогресс, 1967.
7. Hinze F. Die Namen *Scharmützel, Schermützel, Zermützel, Schermeisel* und ihre Deutung. *Zugleich ein Beitrag zur Etymologie von ostslaw. koromyseł 'Wassertrage'* // ZfS 1972. XVII: 19 и сл.;
8. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособ. для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.
9. Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. Вып. 13 ($*k\gamma rmezig\dot{y}$ - $*k\gamma ziti$). Под ред. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1987.
10. Этимология. 1972. - М.: Наука, 1974.
11. Этимология. 1974. - М.: Наука, 1976.